

Казачьи ниндзя

Пластуны - глаза и уши российской границы

На дворе стояло сложное для России время – середина XIX века: на южных рубежах Отечества было, как тогда говорили, «немирно». Между российской армией и горцами, обретавшимися на «чужой» левой стороне реки Кубань, шли постоянные стычки: мятежные черкесы не хотели признавать существование укрепленной границы и раз за разом совершали набеги на казачьи станицы Причерноморья. И тогда среди казаков появились совершенно особые воины, которых на Руси стали именовать пластунами – то ли от слова «лежать пластом», то ли от «пластать» - рубить шашкой. Черкесы же звали их «шайтан-гяурами», изумляясь манере нового врага бесшумно появляться, нанося серьезнейшие потери, а затем бесследно исчезать.

И.Е. Репин. Портрет П.Д. Лебедева (Казак-пластун)

Изначально пластунами звали разведчиков Черноморского казачьего войска, высланных вперед от сторожевой линии, выслеживавших нарушителей границ, а также - одиноких казаков, промышлявших в Кубанских лесах и плавнях охотой. Будучи отличными стрелками и следопытами, они снабжали заставы не только провиантом, но и информацией о планах и передвижениях неприятеля. Со временем пластуны стали объединяться в ватаги, «товарищества», по 3-5 человек, а их деятельность стала всё больше принимать разведовательно- диверсионный характер. Захват заложников, нападение на посты горцев, устройство засад, требовали хитроумной тактики, изощрённой маскировки.

Так, существует рассказ о пластуне, полдня пролежавшем в грязи, под камышами, когда прямо над ним, а порой — на его спине, находился пост горцев. Пластун, не выдав себя, дождался темноты, после чего "снял" часовых и провел своих товарищей во вражий лагерь. В пластуны выбирались лучшие стрелки, ходоки, люди выносливые, способные целые дни проводить в воде, в камышах, среди мириад насекомых, под дождем или в снегу. Оказалось, что без таких «узких специалистов» безопасность границы обеспечить невероятно сложно! Поэтому по штату 1842 г. пластунские команды были учреждены при пеших и конных частях черноморского войска и всегда были впереди во всех рейдах за Кубань, а в Крымскую войну причинили массу беспокойства уже не полудиким горцам, а цивилизованному европейскому противнику. При обороне Севастополя пластуны незаметно пробирались в траншеи неприятеля и наносили ему тяжёлый урон, а иногда приносили в плен спящих пленных, закутанных в их же одеяло.

«Настигнутые превосходящим в числе неприятелем, они умели так рассчитать свой огонь, что нескоро давали подавить себя многолюдством, - описывают тактику пластунов современники и очевидцы. - Были примеры что пять-шесть дружных бойцов, неся на своих плечах многолюдную погоню, в первой попавшейся им чаще камыша, осоки, можжевельника оборачивались, разом прикладывались в противников и, не открывая огня, приседали, кому за что пришлось. Этот смелый и решительный оборот останавливал преследующих. Они вдавались в опасение засады, начинали осматриваться на все стороны и открывать медленный, рассчитанный огонь, на который, однако ж, казаки не посылали ответа. Ободренные этим молчанием, горцы принимали движение в обход или бросались напрямик в шашки с обычным криком. Но от страшного, как от возвышенного, один шаг до смешного. В том месте, где казаки присели, горцы находили только шапки и башлыки, надетые на сломленный камыш. Казаки уже исчезли, как привидения».

Андрей Лях. "Казаци-пластуны"

Кубанские следопыты

Проводившие в кубанских плавнях дни и ночи, пластуны досконально знали все тайные пути и тропы, использовавшиеся противником, постоянно наблюдали за «чужим» берегом, устраивая засады и засеки на путях возможного возможного проникновения врага в глубь казачьих земель. Пластуны были глазами и ушами защищавшей российскую границу системы фортов и крепостей – Черноморской кордонной линии. Необходимость постоянного контроля за передовыми границами кордонных линий, специфика несения службы наложили свой отпечаток на внутреннюю организацию и бытовой уклад жизни этого особого рода пеших разведчиков, единственного типа казачества, рассеянного по всем постам и кочевавшего по обоим берегам Кубани.

К концу Кавказской войны при казачьих частях были попытки формировать особые пластунские команды, но в регулярную армию пластуны «врастали» не очень хорошо. К этому времени пластунство стало уже образом жизни. Командиры казачьих частей приманивали пластунов как могли, но казачья беднота мечтала о пластунской вольнице. Регулярные пластунские части при казачьих подразделениях представляли из себя скорее отряды метких стрелков. Настоящие же пластуны «были вольны и гуляли где им вздумается».

Отличить на расстоянии казака-диверсанта от настоящего горца было делом мудрым: пластуны одевались в черкесскую одежду, причём самую бедную. Выцветшая папаха, лихо заломленная на затылок, черкеска, потрёпанная, в разноцветных заплатках, чувяки из дикого кабана, мехом наружу, добротный штуцер в аршин, кинжал,

да разные «причиндалы»: пороховница, мешочек для пуль, жирник-масленка, шило из рога дикого козла, котелок. По необходимости некоторым пластунам разрешалось носить крашеную бороду. Как правило, представители пластунской вольницы не женились, пока не принимали решение отойти от дел, а большую часть времени проводили за Кубанью, выходя к заставам, только чтобы обменять дичь на боеприпасы, да обменяться новостями.

Психологи в черкесках

Тактика пластунов основывалась на двух основных правилах: след - «сакма» и засада - «залого». В пластуны не годились те, кто не умел убрать за собой собственные следы, заглушить шум своих шагов в трескучем тростнике, кто не умел прочесть следы противника и в них прочесть направленный на мирные кубанские земли удар. Правда иногда на удивление своих товарищей они принимали или зазывали в свою ватагу какого-нибудь необстрелянного юнца – сына погибшего где-то в плавнях пластуна. При этом смотрели, чтоб новобранец был не только стрелок, но был выносливым в пешем походе и, наконец, был хладнокровен. Опыт, передаваемый молодым, был просто бесценен, включая не только боевые умения, но и представление о психологии противника. Так, учили казаки новобранцев, что в разведке при встрече с противником один на один «даже храбрый из горцев не откажется немножко струсить, если на него никто не будет смотреть», поэтому в такой ситуации «горец вряд ли по своей инициативе пойдет на обострение и скорее всего уклонится от столкновения с вооруженным и готовым к схватке казаком».

Необыкновенные умения, знание особенностей жизни местного населения, вызывали у горцев нешуточное почтение и даже, как ни странно, желание породниться с таким опытным и опасным противником. К концу XIX века зачастую пластуны ходили в «кунаках» у черкесов, среди которых и собирали, тщательно проверяя, развед-сведения. А вот получить пластуна в пленники и, соответственно, в рабы было для горца сущим разорением. Готовые, скорее расстаться с жизнью, чем со свободой, пленники причиняли больше вреда, чем пользы, а рано или поздно «утекали» в плавни, - и поминай как звали.

Страшный штуцер

С появлением на вооружении российской армии нарезного оружия, казачьи диверсанты стали еще опаснее для врага: их любимым оружием, почитаемым до благоговения, стали дальнобойные штуцера с примыкаемыми штыками. При прицельной дальности выстрела из штуцера гораздо большей, чем у любого гладкоствольного ружья, использовавшегося горцами, казаки-снайперы творили поистине грозные чудеса. Описан случай, когда, например, горцы численностью около трех тысяч человек предприняли попытку захвата Крымского укрепления, расположенного за кордонной линией на реке Кубани. На помощь гарнизону атаман Бабич направил всего-навсего 40 пластунов. Командир отряда Крыжановский так рассредоточил и укрыл стрелков на берегу реки за стволами деревьев, принесенных во время весеннего по-

ловодья, что меткий огонь стрелков наносил неприятелю весьма ощутимые потери. Попытки горцев в конном и пешем строю смять горстку храбрецов успеха не принесли. После двухчасового боя горцы вынуждены были оставить укрепление в покое.

Правда, бывали и печальные случаи: то и дело до застав доходили известия о том, как один пластун застрелил другого в тёмной ночи, выстрелив на хруст тростника.

В общем, завершая портрет «казачьих ниндзя», можно смело говорить, что не было для нарушителей российских границ противника более страшного, чем казаки-пластуны. Впрочем, для казачества оберегать рубежи Отечества – дело привычное, можно сказать, уже профессия.

Напс Е. И. "Казак-пластун в засаде". 1880-е годы. Бронза, литье

Войны на южных рубежах России, между тем, постепенно утихли. Необходимость в следопытах-пластунах становилась все меньше, и вскоре как они исчезли со сцены истории, так что в дальнейшем пластунскими назывались пешие соединения казачьих войск. Правда, манера носить черкеску и горский кинжал вместо обычной казачьей одежды, осталась казакам, что называется, в наследство. Равно как и грозная

память о страшных «шайтан-гяурах», умевших появляться ниоткуда, бить без промаха и вновь исчезать в никуда.

Сергей Бурыкин

«Около лагеря, где я был вчера, стоит гора – пять с чем-то тысяч футов; ее занимали одно время турки; их позиции были сильны, и наши войска повсюду попадали под жестокий обстрел.

Один из казачьих (пластунских) сотников – отчаянная голова – провинился в то время, не помню чем; генерал призвал его и сказал, что свой поступок он может совершенно загладить каким-нибудь не менее отчаянным делом, то есть вместо суда получить георгин. Сотник тряхнул бритой головой, попросил день срока, в ту же ночь выбрал двадцать восемь пластунов, сказал им речь такого рода, что они расшвирипели, и полез с ними на знаменитую гору. Пластун, выведенный из раздумья, стоит троих; что произошло на горе, никто хорошо не знает: слышали недолгую стрельбу, крики; турки в составе двух рот поспешно очистили гору, оставив множество оружия, убитых и раненых. Сотник получил крест».

А.Н. Толстой «На Кавказе»

"Костюм казака-пластуна. Вторая половина XIX века"